

ЧУТКОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ПИСАТЬ в наши дни о Чехове трудно, если принять во внимание все то, что уже сделано литературной наукой. По пристальности исследовательского интереса к писателю, количеству и уровню работ о его творчестве два последних десятилетия — самые насыщенные. Но Чехов неисчерпаем. И красноречивое тому свидетельство — книга о нем А. Туркова. Прочно опираясь на обширную Чеховиану, А. Турков говорит в первую очередь о том, о чем может сказать по-своему.

Заметно обогащаются, в частности, — и уже с самого начала книги — наши знания о литературных связях Чехова. Автор внимательно прослеживает скрытый до времени духовный рост молодого писателя, обнаруживая в произведениях Чехонте предвестия серьезного Чехова. И один из залогов этой серьезности усматривает, например, в щедринской традиции. Добавляя свежие наблюдения и соображения к тому, что уже говорилось по этому поводу. (Заметим мимоходом, что иные из этих ассоциаций — когда речь заходит уже о зрелом Чехове — кажутся несколько примысленными: скажем, нотка «почти щедринской» страстной мрачности, услышанная в «Душечке».) Общее представление А. Туркова о раннем периоде деятельности писателя как источника ряда важных мотивов и литературных пристрастий, впоследствии развитых, углубленных, — плодотворно. Оно подтверждается постоянными сопоставлениями произведений разных этапов чеховского творчества, позволяя ощутить не только движение художественной мысли, но и цельность пути писателя.

Вообще разборы отдельных текстов, свежее их

А. Турков. «А. П. Чехов и его время». Издательство «Художественная литература». М. 1980.

прочтение — быть может, самая сильная сторона работы. Исследователь не пытается исчерпать произведение. Высвечивается, например, определенная его линия, недостаточно проясненная в критике, или обогащается существенными наблюдениями известный мотив, или протягиваются новые ниточки от жизненных впечатлений писателя к тому или другому творческому замыслу, или интерес сосредоточивается на новонайденной литературной параллели.

Так, в дополнение к известным литературным сопоставлениям Турков находит своеобразный отклик на базаровскую тему в повести «Дуэль», вовлекая ее в сферу размышлений писателя о сильных и слабых сторонах духовного наследия шестидесятых годов — «святого времени» для Чехова. А посредством другой ассоциации — и эффектной, и убеждающей («Дама с собачкой» и повесть В. Миклулич «Мимочка на водах») — мысль «Дамы с собачкой» соотносится с нравственными решениями в толстовском духе. Внушительность уроков Толстого в чеховской прозе, глубина творческих притяжений и одновременно отталкиваний демонстрируются и на примере других произведений («Огни», «Скучная история», «Душечка» и др.). Исследователь любопытно толкует природу чеховского отклика на зарождающийся русский символизм в рассказе «Черный монах», соотнося содержание рассказа с неоднозначным отношением писателя к фигуре Владимира Соловьева. В рассказе «Архиерей» тонко раскрыт мотив «просветленно-элегического»приятия жизни в «пушкинском смысле». А. Турков вообще чуток к светлomu у Чехова и умеет видеть его даже в произведениях, считающихся особенно сумрачными (например, в «Огнях»).

Сосредоточенный интерес к художественной детали, к многозначности чеховского слова — неотъемлемое свойство работы.

«Моя жизнь»... Это заглавие известной повести — казалось бы, бесценное, нейтральное. На самом деле, разъясняет критик, оно имеет определенный и важный смысл как противопоставление уродливой норме существующего бытия — «вашей жизни». В словах автора о Громе из «Палаты № 6» — «Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего и человека» — Турков оценит значительность для замысла произведения этого краткого «и». Осо-

бенно много драгоценных мелочей, демонстрирующих «переливчатость, живую изменчивость чеховских красок», открывается в тонком, искусном анализе «Трех сестер».

Примеры, конечно, можно приводить еще и еще. Критик словно следует чеховскому совету: «надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы... давалась картина». Бывает иной раз, что стремление увидеть в малой капле отражение целого приводит к преувеличениям. Но общая тенденция весьма привлекательна. Конкретные разборы, следующие один за другим, и самая их методика с ее подчеркнутым вниманием к частностям внушают читателю широкий и общий вывод о новаторстве чеховского искусства. Искусства, в котором степень самоценности отдельной детали значительно выше, чем у предшественников; в котором смысловым электричеством заряжено все художественное пространство. Долго державшимся версиям о бесстрастии Чехова-художника противостоит в книге А. Туркова точное ощущение чрезвычайной интенсивности чеховского художественного мира — и идейной, и стиливой. Правда, разговор о поэтике писателя, его художественных открытиях мог бы быть более развернутым и обстоятельным. К сожалению, остаются в тени некоторые важные стороны чеховского формотворчества. Стоило бы уделить больше внимания коренным жанровым преобразованиям, осуществленным Чеховым и в прозе («новые, совершенно новые... для всего мира формы писания...» — Л. Толстой), и в драматургии.

Скажу и о том, что в изложении не всегда достаточно наглядно обозначены, прочерчены пограничные линии на пути писателя. Можно, разумеется, спорить о тех или других частных решениях исследователя. Но бесспорно и неизменно его осложненное, чуждое упрощениям отношение к своему предмету, будь то явление творчества писателя или факты его общественной биографии. Именно так, например, освещаются взаимоотношения Чехова и А. С. Суворина.

И еще об одном достоинстве. Исследовательская тщательность соединяется в книге с завидной ясностью критического слога, с увлекательной его живостью. Это, несомненно, сулит новой монографии о Чехове немалый читательский интерес.

В. КЕЛДЫШ